

За ночь он выспался до сладкой истомы, и когда на следующий день Чжун Цзыци проснулся, то заметил — небо снаружи затянуто тяжёлыми тучами. Похоже, собирался дождь. Он поспешно выбежал во двор, собрал разложенные сушиться овощи, занёс их в дом, а затем накрыл сложенные во дворе дрова, чтобы их не залило.

Утром аппетита у него почти не было, поэтому он сварил лишь кастрюлю рисовой каши да потушил бамбуковые побеги в масле. Когда Чжао Чжэнъань пришёл на завтрак, Цзыци готов был поклясться — в его взгляде мелькнула едва уловимая тень недовольства. Тотчас в душе вспыхнуло довольство: главный на кухне здесь он, а значит — что приготовил, то и придётся есть.

Чжао Чжэнъань почесал затылок. Он и правда давно не ел кашу. С тех пор как стал жить вместе с... своим человеком, каждый его приём пищи неизменно состоял из белого рассыпчатого риса, да ещё минимум раз в два дня на столе появлялось мясо. Потому вид простой рисовой каши застал его врасплох. Но он всё равно послушно сел за стол и принялся есть. Да, он мог привередничать — но только когда был выбор. Если же мяса не было, он спокойно ел всё, что дают.

После еды Чжун Цзыци выгнал его из кухни. Сам же он замесил небольшую миску теста, добавив туда соль и щёлочь, накрыл крышкой и отставил в сторону, чтобы оно подошло. Чтобы ускорить процесс, он даже принёс из комнаты несколько вещей и укутал ими миску.

Делать больше было нечего. Небо всё сильнее темнело — вот-вот должен был хлынуть дождь, и заняться чем-то на улице уже не представлялось возможным.

— Чжэнъань, хватит играть, — крикнул он во двор. — Собери цыплят, сейчас дождь пойдёт.

— Уже иду!

Тот, ещё мгновение назад весело возившийся с Да Хэем и Сяо Хэем, тут же вприпрыжку побежал к курятнику. Цыплята уже подросли — почти с ладонь — и бегали проворно, так что Чжао Чжэнъаню пришлось изрядно покрутиться, прежде чем он переловил их всех. Он аккуратно сложил их обратно и занёс в дом. Две собаки, тьявая, не отставали и крутились у него под ногами.

Ещё не наступил полдень, как с неба пошёл дождь — сначала тихий, морозящий, а затем всё сильнее, всё гуще, пока не разразился настоящим ливнем.

Чжун Цзыци и Чжао Чжэнъань сидели в доме, слушая, как дождь стучит по крыше. Внутри раздавались лишь лай собак да тонкое писклявое щебетание цыплят — ни один из них не произнёс ни слова. Но в этой тишине было больше, чем в любых разговорах. Им не нужно было подтверждать своё присутствие словами — каждый и так чувствовал другого рядом. Странное, почти неуловимое ощущение... но такое, от которого не хотелось отказываться.

Летний дождь приходит быстро — и так же быстро уходит. Пролившись около часа, он наконец стих. Воздух после него стал особенно свежим, словно мир выдохнул с облегчением. Тучи рассеялись, и сквозь облака выглянуло солнце, разливая мягкое, тёплое сияние.

Дорога после дождя стала мокрой и вязкой, местами даже пугающе неровной. Чжун Цзыци строго запретил Чжао Чжэнъаню и двум неугомонным псам выходить и носиться где попало. Тот лишь поник, опустив голову, и кивнул.

— Будь умницей, — мягко добавил Цзыци. — Вечером приготовлю тебе что-нибудь вкусное.

Как и ожидалось, глаза Чжао Чжэнъяня тут же загорелись — он словно в одно мгновение ожил, наполнился энергией. Еда и правда была для него лучшим лекарством: попробуешь — и сразу действует.

Дождливые дни будто созданы для ленивого блаженства. Чжун Цзыци и Чжао Чжэнъянь то перекусывали, то снова заваливались подремать — и вот уже почти незаметно прошёл целый день. Вдруг Цзыци вспомнил про тесто, которое оставил подходить на кухне. Отправив Чжао Чжэнъяня развлекаться самому, он привёл в порядок одежду и направился туда.

Что можно сделать из поднявшегося теста? Паровые булочки, маньтоу — да много чего. Но он решил приготовить ютяо — жареные полоски теста.

Блюдо это не самое простое — хотя бы потому, что требует времени на брожение теста. Раньше Цзыци пробовал готовить их всего раз и тогда решил, что проще купить, чем возиться самому. Но сейчас ему захотелось вернуться к этому — сделать что-то новое, необычное.

Если в его времени люди обожали такие вещи, то и здесь, в этом мире, они наверняка придутся по вкусу.

Аккуратно обходя лужи, он вошёл на кухню и снял плотную «шубу» из одежды с миски. Тесто внутри уже хорошо подошло — пузырилось и мягко пружинило.

Вымыв руки, он принялся за дело: вымесил тесто, раскатал его, затем нарезал на полоски примерно по десять сантиметров длиной и около сантиметра шириной. Складывая по две вместе, он слегка вытягивал их в длину и откладывал в сторону. Так он сделал около тридцати заготовок.

— Чжэнъянь? Чжэнъянь! — позвал он, выглянув к двери.

— Жена? — тот мгновенно примчался, будто только этого и ждал.

— Иди сюда, помоги с огнём.

Чжао Чжэнъянь кивнул и привычно устроился у печи, ловко разжигая огонь.

Цзыци налил в котёл примерно треть масла — больше было бы расточительно. Пусть жарится чуть дольше, зато без лишних трат.

Когда масло раскалилось, он опустил в него полоски теста. Те сразу зашипели, меняя цвет, всплывая и опускаясь в бурлящем масле. Совсем скоро они стали золотистыми. Цзыци выловил первую партию и выложил остывать, затем продолжил жарить остальные.

Хотя дождь и сбил летнюю жару, в кухне всё равно стоял невыносимый зной.

— Всё, Чжэнъянь, хватит подбрасывать дрова, — сказал он. — Возьми снизу, попробуй, вкусно?

Тот быстро вымыл руки и, не в силах сдержаться, сразу схватил одну палочку. Даже не подумав о том, что она горячая, он откусил большой кусок.

— Вкусно! Очень вкусно!

На его лице расплылась довольная улыбка. Он в два-три укуса расправился с одной и тут же потянулся за следующей.

Цзыци сказал отойти ему в сторону — чтобы не обжётся брызгами масла. Когда он закончил с последней партией, Чжао Чжэнъань уже сидел сытый, с выражением полного удовлетворения и лёгкой тоски — будто жалел, что всё так быстро закончилось.

На глаз Цзыци, тот съел не меньше шести-семи штук. А ведь каждая состояла из двух склеенных полосок — значит, в сумме больше десятка. Он лишь устало потер виски: только он один и способен прокормить такого... Другой бы давно взвыл — ни работы толком, ни аппетита меры.

Сам он взял одну, осторожно откусил. М-м... навык не пропал. Съев три, он почувствовал сытость. После этого перелил оставшееся масло в отдельную посуду, привёл кухню в порядок.

Затем достал ещё одну миску и уложил туда больше десятка ютяо.

— Оставайся дома, — сказал он Чжао Чжэнъаню. — Я схожу к старику Чжао, дам им попробовать. И запомни — никому не открывай дверь.

— Запомнил, жена, — послушно отозвался Чжао Чжэнъань.

Чжун Цзыци накрыл миску листом масляной бумаги и вышел из дома.

Едва он дошёл до начала деревни, как навстречу ему попался человек.

— О, это ведь Цзыци-гэ, — протянул тот с натянутой улыбкой. — Что, сегодня не пошёл торговать? Дела, небось, идут отлично? Ну конечно, куда уж нам, беднякам, до вас...

Это был амо из семьи Ли — в деревне его так и звали, Ли амо. Один из немногих, кто водил дружбу с Ван Цуйхуа. И один из тех редких людей, кого Чжао амо категорически отказывался принимать у себя. Уже по одному этому можно было понять, насколько глубоко у него накопилась неприязнь.

Цзыци с лёгким недоумением посмотрел на него — в глазах того явно читались самодовольство и злая насмешка. Неужели произошло что-то, о чём он не знал? С каких это пор такие люди позволяют себе вести себя настолько нагло?

Он лишь вежливо кивнул:

— Ли амо.

И, не желая продолжать разговор, спокойно прошёл мимо.

Ли амо проводил его взглядом, полным зависти и злобы. В деревне почти каждая семья уже успела заработать по несколько десятков монет, а их дом раз за разом оставался ни с чем — их просто не подпускали. Как тут не озлобиться? Муж дома тоже не упускал случая уколоть его за это. Вспомнив что-то, Ли амо зло сплюнул:

— Думаешь, есть чем гордиться? Так тебе и надо...

И, покачивая бёдрами, ушёл прочь.

Цзыци добрался до дома семьи Чжао. Ворота были распахнуты настежь. Он постучал и окликнул:

— Чжао амо, вы дома?

— Дома, Цзыци-гэ! — донёлся голос изнутри.

Но дверь открыл не он, а Чжао Нин. Увидев гостя, тот просиял и тут же подбежал:

— Ты чего это пришёл, Цзыци? — в голосе звучала искренняя радость. — Я сам хотел к тебе зайти, да дождь помешал.

— Принёс вам кое-что вкусное, — с улыбкой ответил Цзыци и прошёл внутрь вслед за ним.

— Что же? — с любопытством спросил Чжао Нин.

В комнате уже были остальные трое из семьи Чжао. Цзыци поздоровался с каждым.

— Цзыци-гэ, ну зачем ты, — с мягким укором сказал Чжао амо. — Пришёл бы и так, к чему эти угощения?

Но по его тону было ясно — он рад. Значит, Цзыци считает их близкими.

— Да ничего особенного, — улыбнулся Цзыци. — Сам сделал, попробуйте.

Он снял масляную бумагу — под ней лежали золотистые, ещё тёплые ютяо, от которых поднимался лёгкий пар.

— Ого, а это что? — Чжао Нин тут же потянулся за одной, но получил строгий взгляд от Чжао амо.

Он всё же откусил и тут же оживился:

— М-м! Как вкусно! И ещё тёплые! Чжао амо сходил на кухню за мисками и палочками, раздал всем. Без всяких сомнений, угощение пришлось по душе каждому.

Цзыци рассказал, что это его новая задумка — когда погода вернётся, он снова откроет лавку. И ему понадобится помощь, так что он рассчитывает на Чжао Нина и Чжао Шэна.

Чжао Баогэнь ничего не сказал, лишь молча выслушал. Чжао амо махнул рукой:

— Если не побоишься, что они у нас не самые ловкие, пусть идут помогают.